
pocket**book**

rocket**book**

АГАТА КРИСТИ

*Загадочное происшествие
в Стайлзе*

ЭКСМО
МОСКВА
2013

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)
К 82

Agatha Christie

THE MYSTERIOUS AFFAIR AT STYLES

Copyright © 1920, Agatha Christie Limited,
a Chorion company. All rights reserved

Разработка серии *А. Саукова*

Фотография на обложке:
Steve Cole / Getty Images / Fotobank.ru

Кристи А.

К 82 Загадочное происшествие в Стайлзе / Агата Кристи ; [пер. с англ. А. Ващенко]. — М. : Эксмо, 2013. — 288 с.

ISBN 978-5-699-64895-5

«Загадочное происшествие в Стайлзе» — это самый первый роман Агаты Кристи. В этой книге, вышедшей в 1920 году, читатель в первый раз встречается с самым знаменитым сыщиком XX столетия — усатым бельгийцем Эркюлем Пуаро, а также с его другом и помощником Гастингсом. Именно здесь Пуаро впервые предоставлена возможность продемонстрировать свои дедуктивные способности и раскрыть загадочное преступление (отравление миссис Инглторп, хозяйки поместья Стайлз), опираясь на всем известные факты.

УДК 82(1-87)
ББК 84(4Вел)

© Ващенко А., перевод на русский язык, 2013

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2013

ISBN 978-5-699-64895-5

Глава 1

Я ОТПРАВЛЯЮСЬ В СТАЙЛЗ

Повышенный интерес публики к нашумевшему судебному процессу, известному в свое время как «преступление в Стайлзе», теперь несколько поубавился. Однако этот процесс приобрел широкую известность, и мой друг Пуаро, а также обитатели Стайлза попросили меня подробно изложить эту историю, надеясь таким образом заставить умолкнуть сенсационные слухи, которые все еще продолжают распространяться.

Вначале кратко об обстоятельствах, из-за которых я оказался связанным с этим трагическим происшествием.

В связи с ранением меня отправили с фронта в тыл, и после нескольких месяцев, проведенных в довольно унылых, мрачных госпиталях и наводящих тоску санаториях для послебольничного долечивания, я получил месячный отпуск по болезни. А поскольку у меня не было ни родных, ни близких друзей, я как раз пытался решить, что предпринять, когда случайно встретил Джона Кавендиша. Последние десять лет я встречался с ним крайне редко. Собственно говоря, я ни-

когда особенно хорошо его не знал. Начать с того, что он старше меня лет на пятнадцать, хотя и не выглядел на свои сорок пять. В детстве я часто бывал в Стайлзе, имении в Эссексе, которое принадлежало его матери.

Но теперь, встретившись через столько лет, мы с удовольствием предались воспоминаниям о старых временах, и в результате Джон пригласил меня провести мой отпуск в Стайлзе.

— *Mater*¹ будет очень рада снова вас увидеть, — добавил он.

— Как она себя чувствует? — осведомился я. — Надеюсь, хорошо?

— О да! Полагаю, вы знаете, что она снова вышла замуж.

Боюсь, я слишком явно выразил удивление. Миссис Кавендиш, какой я ее помнил, вышла замуж за отца Джона — в то время вдовца с двумя сыновьями. Тогда она была красивой женщиной средних лет. Теперь ей никак не могло быть меньше семидесяти. Я запомнил ее энергичной, доминирующей личностью, несколько чрезмерно увлеченной благотворительностью и подобного рода общественной деятельностью. Миссис Кавендиш обожала открывать благотворительные базары и вообще изображать *Lady Bountiful*².

¹ Мать (*лат.*).

² Леди Баунтифул — персонаж пьесы Фаркера, XVII в., иронический тип дамы-благотворительницы. (*Здесь и далее прим. перев.*)

Она действительно была щедрой женщиной, да и сама обладала значительным состоянием.

Загородное имение Стайлз-Корт мистер Кавендиш приобрел в первые годы их супружества. Он полностью находился под влиянием жены и, умирая, оставил ей в пожизненное пользование не только имение, но и большую часть доходов, что было явно несправедливо по отношению к двум его сыновьям. Однако мачеха всегда была добра и щедра к ним, да и мальчики в момент женитьбы их отца были еще так малы, что считали ее своей матерью.

Лоуренс, младший, с детства отличался болезненностью. Он получил диплом врача, но довольно быстро оставил медицину и жил дома, в Стайлзе, лелея честолюбивые литературные амбиции, хотя его стихи никогда не имели заметного успеха.

Джон, старший из сыновей, какое-то время занимался адвокатской практикой, но в конце концов тоже обосновался в Стайлзе и стал вести более приятную для него жизнь сельского сквайра. Два года назад он женился и привез жену в Стайлз, хотя я подозреваю, что, если бы мать увеличила ему денежное содержание, он предпочел бы обзавестись собственным домом. Однако миссис Кавендиш относилась к тому типу женщин, которые любят поступать по-своему и ожидают, чтобы это всех устраивало. В данном случае она, разумеется, являлась хозяйкой положения — деньги были в ее руках.

Джон не мог не заметить моего удивления, когда я услышал о новом замужестве его матери, и довольно мрачно ухмыльнулся.

— К тому же он отвратительный прохвост и пройдоха! — в ярости крикнул Джон. — Должен сказать, Гастингс, что это очень осложнило нашу жизнь. А уж Эви... Вы помните Эви?

— Нет.

— О! Наверное, она появилась уже после вашего отъезда. Это помощница моей матери, компаньонка и вообще мастер на все руки! Эви — просто молодчина! Нельзя сказать, чтобы она была особенно молода и красива, но энергии ей не занимать!

— Вы собирались что-то сказать...

— О, про этого типа?.. Он появился из ниоткуда, под предлогом, будто является троюродным братом Эви или что-то в этом роде, хотя сама Эви не особенно охотно признает это родство. Этот тип абсолютный чужак, что сразу видно. У него большая черная борода, и он носит лакированные туфли в любую погоду! Однако мать сразу почувствовала к нему симпатию и взяла его в качестве секретаря... Вы ведь знаете, она постоянно ведает сотнями всяких благотворительных обществ.

Я кивнул.

— Ну и, разумеется, за время войны сотни таких обществ превратились в тысячи! Этот тип, конечно, оказался ей очень полезен. Но вы можете себе представить, как мы были ошеломле-

ны, когда три месяца назад она вдруг объявила, что они с Алфредом помолвлены! Он по крайней мере лет на двадцать моложе ее! Просто-напросто бесстыдная, неприкрытая погоня за наследством!.. Но что поделаешь — она сама себе хозяйка... и вышла замуж за этого типа!

— Должно быть, для вас всех ситуация сложилась нелегкая?

— Мало сказать — нелегкая! Ужасная!

Вот так и получилось, что три дня спустя я сошел с поезда в Стайлз-Мэри на маленькой нелепой станции, не имевшей никакой видимой причины на существование, но все-таки приютившейся посреди зеленых полей и сельских проезжих дорог. Джон Кавендиш ждал меня на платформе и проводил к машине.

— У меня еще осталась капля-другая бензина. Он почти весь расходуется благодаря повышенной активности матери.

Деревня Стайлз-Сент-Мэри находилась милях в двух от станции, а Стайлз-Корт располагался приблизительно на расстоянии мили по другую сторону. Стоял теплый тихий день раннего июля. Глядя на спокойную равнину Эссекса, такую зеленую и мирную в лучах послеполуденного солнца, я не верил своим глазам, мне казалось почти невероятным, что где-то недалеко отсюда идет война. Я вдруг оказался совсем в ином мире.

— Боюсь, Гастингс, вам покажется здесь слишком тихо, — сказал Джон, когда мы повернули к въездным воротам.

— Как раз то, чего я хочу, дружище!

— О, вообще-то здесь довольно приятно, если вы хотите вести бездеятельную жизнь. Два раза в неделю я провожу занятия с добровольцами и помогаю на фермах. Моя жена регулярно работает «на земле». Каждое утро она поднимается в пять часов доить коров и работает до ленча. В общем, это очень хорошая жизнь, если бы не Алфред Инглторп! — Джон вдруг резко затормозил и посмотрел на часы. — Интересно, есть ли у нас время захватить Цинтию? Пожалуй, нет! К этому времени она уже вышла из госпиталя.

— Цинтия? Это не ваша жена?

— Нет. Цинтия — протеже моей матери, дочь ее старой школьной соученицы, которая вышла замуж за подлого солиситора. Он оказался неудачником, женщина вскоре умерла, и девочка осталась сиротой без всяких средств. Моя мать пришла ей на помощь — Цинтия живет с нами вот уже около двух лет. Она работает в госпитале Красного Креста в Тэдминстере, в семи милях отсюда.

Продолжая говорить, он подъехал к фасаду красивого старого дома. Леди в добротной твидовой юбке, склонившаяся над цветочной клумбой, выпрямилась при нашем появлении.

— Привет, Эви! — крикнул Джон. — А вот и наш раненый герой! Мистер Гастингс — мисс Ховард!

Мисс Ховард пожала мне руку сердечной, почти болезненной хваткой. Мое первое впечат-

ление — невероятно синие глаза на загорелом лице. Это была женщина лет сорока, с приятной внешностью и глубоким, почти мужским, громким голосом. Высокая, плотного сложения, и такие же под стать фигуре крепкие ноги в добротных, толстых башмаках. Ее речь, как я вскоре убедился, напоминала телефонный стиль.

— Сорняки лезут так быстро. Мне за ними никак не поспеть. Я и вас пристрою. Берегитесь!

— Рад быть хоть чем-нибудь полезным! — отозвался я.

— Не говорите так. Никогда не поверю.

— Вы циник, Эви, — смеясь, произнес Джон. — Где у нас сегодня чай — в доме или на лужайке?

— На лужайке. День слишком хорош, чтобы сидеть взаперти.

— Тогда пошли. Сегодня вы уже свое отработали. Пойдемте подкрепимся чаем.

— Ну что ж. — Мисс Ховард стянула садовые перчатки. — Пожалуй, я с вами согласна. — И она повела нас вокруг дома, к тому месту, где в тени платана был накрыт стол.

С плетеного стула поднялась женщина и сделала несколько шагов нам навстречу.

— Моя жена — Гастингс, — представил нас Джон.

Никогда не забуду моего первого впечатления от встречи с Мэри Кавендиш. Ее высокая, стройная фигура четко выделялась на фоне яркого солнечного света. В чудесных желтовато-карих

глазах, каких я не встречал ни у одной женщины, будто сверкали искры тлеющего огня. От нее исходила сила глубокого покоя, и в то же время в этом изящном теле чувствовался неукротимый дух. Эта картина до сих пор ярка в моей памяти.

Мэри Кавендиш встретила меня несколькими приветливыми словами, произнесенными низким чистым голосом, и я опустился на плетеный стул, испытывая удовольствие от того, что принял приглашение Джона. Миссис Кавендиш угостила меня чаем. Несколько произнесенных ею фраз усилили мое первое впечатление от этой на редкость обворожительной женщины. Внимательный слушатель всегда стимулирует признательного рассказчика. Я стал в юмористическом тоне описывать отдельные эпизоды моего пребывания в санатории и льщу себя надеждой, что изрядно позабавил свою хозяйку. Джон хоть и славный парень, но блистательным собеседником его вряд ли назовешь.

В этот момент из дома через открытое французское окно донесся хорошо запомнившийся мне с детства голос:

— В таком случае, Алфред, вы напишете принцессе после чая, а леди Тэдминстер я завтра напишу сама. Или, может быть, нам стоит подождать известия от принцессы? В случае отказа леди Тэдминстер может открыть базар в первый день, а миссис Кросби — во второй. Да... потом еще герцогиня со школьным праздником.

Послышалось неразборчивое бормотание

мужчины, а затем в ответ донесся повышенный голос миссис Инглторп:

— Да, конечно! После чая будет вполне хорошо. Вы так предусмотрительны, дорогой Алфред!

Французское окно распахнулось немного шире, и на лужайке появилась красивая седоволосая пожилая леди с властным лицом. За ней шел мужчина, в манерах которого чувствовалась почтительность.

Миссис Инглторп тепло меня встретила:

— Как замечательно, мистер Гастингс, снова видеть вас через столько лет! Алфред, дорогой! Это мистер Гастингс. Мистер Гастингс, это мой муж.

Я с нескрываемым любопытством смотрел на «дорогого Алфреда». Он, безусловно, производил впечатление чего-то инородного. Меня не удивило отношение Джона к его бороде. Это была самая длинная и самая черная борода, какую мне когда-либо доводилось видеть. Инглторп носил пенсне в золотой оправе, и у него было на редкость неподвижное лицо. Меня поразила мысль, что этот человек вполне естественно выглядел бы на сцене, но в реальной жизни он казался удивительно не на месте, звучал фальшивой нотой.

— Очень приятно, мистер Гастингс, — проговорил он глубоким, вкрадчивым голосом и подал руку, почти ничем не отличавшуюся от деревяшки. Затем повернулся к жене: — Эмили, дорогая, мне кажется, эта подушка несколько влажновата.

Миссис Инглторп лучезарно улыбнулась, и Алфред, демонстрируя нежную заботу, заменил подушку. Странное увлечение такой разумной во всем женщины!

С появлением мистера Инглторпа за столом воцарилась какая-то напряженность и завуалированное чувство недоброжелательности. Только мисс Ховард не старалась скрыть своих чувств. Между тем миссис Инглторп, казалось, не замечала ничего необычного. Ее говорливость ничуть не изменилась за прошедшие годы, речь лилась непрерываемым потоком, преимущественно о предстоящем в скором времени благотворительном базаре, который она сама организовала. Иногда миссис Инглторп обращалась к мужу, уточняя даты и время. Заботливая, внимательная манера Алфреда не менялась. Я сразу почувствовал к нему сильную антипатию. Вообще, я склонен считать, что мое первое впечатление обычно правильно и довольно проницательно.

Миссис Инглторп дала некоторые указания Эвлин Ховард. Между тем мистер Инглторп обратился ко мне своим почтительным тоном:

— Служба в армии — ваша постоянная профессия, мистер Гастингс?

— Нет. До войны я служил в «Ллойде»¹.

— И вернетесь туда, когда все кончится?

¹ «Л л о й д» — ассоциация страховщиков, занимающаяся страхованием преимущественно морских плавающих средств. Создана в Лондоне в 1688 г.

— Возможно. Или начну что-нибудь совершенно новое.

Мэри Кавендиш повернулась ко мне:

— Что бы вы в самом деле выбрали в качестве профессии, если бы это зависело только от вашего желания?

— Ну-у! Это зависит...

— Нет ли у вас какого-нибудь увлечения? — продолжала она. — Вас что-нибудь привлекает? Ведь хобби есть у всех... Правда, иногда довольно нелепое.

— Вы будете надо мной смеяться.

Она улыбнулась:

— Возможно.

— Видите ли, у меня всегда было тайное желание стать детективом.

— Настоящим — из Скотленд-Ярда? Или Шерлоком Холмсом?

— О, конечно, Шерлоком Холмсом! В самом деле меня это ужасно привлекает. Однажды в Бельгии я встретил известного детектива, и он совершенно увлек меня. Это был замечательный человек. Обычно он говорил, что хорошая работа детектива заключается всего лишь в методе. Я взял его систему за основу, хотя, разумеется, пошел несколько дальше. Он был странным человеком: небольшого роста, внешне настоящий денди и необыкновенно умен.

— Мне самой нравятся хорошие детективные истории, — заметила мисс Ховард. — Хотя пишут много всякой чепухи. Преступник всегда